

18+

БАЛЕРИЙ ПРУДНИКОВ

ЛА-АМПОЛЬЯ

СТИХИ И ПЬЕСА

Валерий Валериевич Прудников

Ла-Амполья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70015348

ISBN 9785006089570

Аннотация

Книга включает в себя сборник лирических стихов и романтическую пьесу. Пьеса рассказывает о застигнутых штормом контрабандистах и их похождениях в приморском испанском городке в начале XVII века. Пьеса наполнена юмором и приключениями, в которых оказываются главные герои, их друзья и близкие. В ней можно проследить путь развития чувств главных героев от рождения интереса до взаимной любви. Книга адресована как юным читателям, так и любителям романтических приключений.

Содержание

Лирические стихи	7
Неразделённая любовь	7
Ночь	9
Не ждите	10
Луна	11
Лето	12
Свидание	13
Фотоальбом	15
Глубина	17
Никколо Паганини	19
Высоцкий	21
Имя	22
Легион	23
Скорая	25
Караван	26
Херсонес	28
Судьбы	29
Чёрная археология	30
Зеркала души	32
Холод	34
Осенняя	35
Плечи	36
Божество	37

Мечты	38
Луга	40
Играй, гавайская гитара	41
Настало время завести собаку	42
Объятыя	43
Морской бой	44
Suite No. 3 in D Major,	46
Загадка	48
Влюбчивость	50
Прощанье	51
Композитор	53
Предвесеннее	54
Женщина и платье	55
От Маяковского	56
Ветер!	58
На рассвете	59
Свободна	60
Девушка в костюме домино	61
Сумасброд	63
Смотрела просто мне в глаза	64
Ложь	66
Пуанты	67
Улетает лето	68
Калейдоскоп	69
Клин	70
Поймал	71

Она приходила	73
Дорогой снежною	74
Подснежник	75
Последний штурм Малахова кургана	76
Каждый день без тебя	79
Невозможно	81
Улыбайтесь	82
Другу детства	83
С дороги	84
У зимы	85
Ниточка	86
Как мало нам отведено	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ла-Амполья
Валерий Валериевич
Прудников

Валерий Валериевич Прудников *Иллюстратор*

© Валерий Валериевич Прудников, 2024

© Валерий Валериевич Прудников, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0060-8957-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лирические стихи

Неразделённая любовь

Уже погашены стальные фонари,
И окна тёмные дома заполнили.
Но только в глубине души оно горит,
То чувство яркое, что в душу заронили.

Как необычно это чувство расцвело,
Не дожидаясь даже шанса на взаимность.
И в темноте ночной становится светло.
Неразделённая любовь – сама наивность.

Пусть говорят, что не бывает так ни с кем,
Что это выдумка, такого быть не может.
Чтоб столько лет любить, и быть совсем никем,
И понимать, что даже время не поможет.

Тепло хранить своих несбывшихся надежд
И улыбаться, даже если очень грустно.
И не искать в толпе, среди чужих одежд,
Её, одетую так модно и искусно.

И если поздней ночью выглянуть в окно,

То можно увидеть всех тех, кому не спится.
Кому, самим на удивление, дано
Такое чувство, что другим лишь только снится.

Ночь

Я люблю тишину, я люблю эту ночь,
Когда дождь моросит беспрестанно.
Под косыми дождинками из дому прочь
Легче мне уходить, как ни странно.

А ещё я люблю в тишине побродить,
Чтобы с мыслями снова собраться.
Я шагаю тихонько, боясь разбудить
Ночь, к которой стараюсь подкрасться.

Даже ветер уснул, не успев пошалить,
Листья мокрые с веток срывая.
Дождь, устав, перестал. Больше незачем лить,
Свои капли во мраке скрывая.

Удивлённо пойму, что от свежести пьян.
Как такое могло приключиться?
И заснуть мне так хочется – лёг бы в бурьян,
Когда чисто в душе – лучше спится.

Не ждите

Не ждите, никогда не ждите,
Что вас полюбят и простят.
Прощайте сами и любите,
Когда другие не хотят.

Не ждите, что пойдут навстречу,
Хоть вы прошли все полпути.
Я сам себе противоречу,
Но чувствую, что прав... почти.

Не ждите чью-то благодарность,
Не ждите искренний ответ.
Нас окружают лишь бездарность,
Презренье, зависть и навет.

Нас продают и покупают,
И если могут – предают.
Взрослея, дети забывают,
Родителей, что с детства бьют.

Но если я не прав – держите.
Держите, что хватает сил!
Людьми такими дорожите,
Хотя никто вас не просил.

Луна

Тихо я семеню по улице,
Звук шагов погасила пыль.
А луна надо мной сутулится,
И она обхватила шпиль.

Наделив смыслом жизнь лирическим
И приняв этот свой удел,
Светит мне фонарём космическим.
У неё очень много дел:

Корабли приподнять приливами,
Обнажить дно морей в отлив,
Колдовать над земли массивами —
Труд луны любой кропотлив.

Если бы не её затмения,
Что жрецы почитали встарь,
То откуда б взялись умения
Дни сложить в лунный календарь?

Но луна – покровитель женщины,
У неё много есть личин.
Видим мы в телескопы трещины,
Но она не для нас, мужчин.

Лето

Летний ветер – самый пряный,
С запахом душистых трав —
Сушит локон твой упрямый,
Аромат его собрав.

Летний вечер – самый томный.
В ожидании заката
Я ловлю твой взгляд нескромный,
Что разжёт бокал муската.

Прикоснусь к тебе губами,
Предвкушая запах ночи,
Фонари стоят столбами,
Но твои сверкают очи.

На меня свой свет бросая,
Ты гуляешь до рассвета.
В лёгком платье, босая,
Ты уже почти раздета.

И осталась только малость —
До беспамятства влюбиться.
А любовь – какая жалость! —
Так не любит торопиться.

Свидание

В лёгком платье она
Убежала, попрощавшись.
Без меня, совсем одна,
И немного засмутившись.

Грусть мою не утолишь,
Даже если выпить водки.
От неё остались лишь
Беспорядок и колготки.

Нет ажурного белья,
Что так долго подбирала.
А теперь она ничья,
Все условности попрала.

Всё равно её люблю
И обязан очень многим.
Пусть я иногда грублю,
Но не буду слишком строгим.

Лёгкий стук от каблучков,
Слышен ночью еле-еле.
Стихли песенки сверчков,
Мне не дав уснуть в постели.

Буду слушать эту ночь,
Если нужно, до рассвета.
Жду, когда вернётся дочь
Со свиданья с кем-то, где-то.

Фотоальбом

В мире много биографий,
Их стирают времена.
Но в альбоме фотографий
Все родные имена.

Эта времени машина
Отправляет нас назад,
Где мы сами с пол-аршина,
А потом пойдём в детсад.

Где наутро снова каша,
Запах мыла, грязных рук.
И семья вся в сборе наша —
Наш большой, любимый круг.

Это детские игрушки
И с рисунками альбом.
Это бабушки подушки,
Змеи в небе голубом,

Пряный запах трав высоких.
Это школьные друзья.
Нет в том мире одиноких,
Но остаться в нём нельзя.

Из глубин, из подсознаний
Видим всех своих родных
В череде воспоминаний,
Чёрно-белых и цветных.

Глубина

Все сомнения отрину
И в блаженство погружусь.
Глажу я дельфина спину,
За плавник его держусь.
Это так невероятно!
Не вернуть меня обратно.

Синий мир под облаками,
Солнце светит сквозь волну.
Я, держась за луч руками,
Проникаю в глубину.
Это просто невозможно!
Отказаться очень сложно.

В вальсе кружатся форели,
Словно круговерть блесны,
Где киты вокруг смотрели
В вертикальной позе сны.
Это вовсе не опасно!
Плыть ко дну всегда прекрасно.

И не просто возвратиться,
Зов глубин преодолев.
Очень трудно спохватиться,
От восторга захмелев.

Это просто бесподобно —
Под водою жить свободно!

Никколо Паганини

Берёт мальчишка скрипку в руки,
Наканифоленный смычок,
И ждут его ученья муки,
Пока он просто новичок.

А впереди – простые гаммы
(До ночи – с самого утра).
И ждут концертные программы
На табурете средь двора.

И совершенствуясь годами,
Он достигает мастерства.
И вот звучит над городами
Гварнери – скрипка волшебства.

Смычком отрывисто – стаккато
(Он выделяет все семь нот)
И пальчиками – пиццикато,
Глядя в растрёпанный блокнот.

За эту маленькую книжку
Я всё готов бы был отдать.
И некрасивого мальчишку
В маэстро больше не узнать.

И много лет в огромном мире
Никто не может повторить,
Звучали как струны четыре,
Как скрипка может говорить.

Высоцкий

От него нам досталось немного.
Даже сотни стихов – очень мало.
Он на сцене стоял одиноко,
Жизнь сжигала его и ломала.

Он горел той, своею, любовью
И талантом – искусства ради.
Отдавал дань свою острословью
И влюбился в Марину Влади.

А ещё он горел актёром,
До безумства вживаясь в роли,
И Жегловым своим матёрым
Узнаваемым стал до боли.

И была у него гитара.
Песни пел, как никто не сможет.
Потому что такого дара
Больше Бог ни в кого не вложит.

Он оставил нам очень много,
Я люблю всех его героев.
И пою его песни строго,
Под гитару, чуть-чуть расстроив.

Имя

Разве я не смотрю постоянно
На твою безупречную статью?
Для меня ты с тех пор безымянна,
Как смогла мне любимую стать.

Ты и Зайка, и Солнце, и Киска —
Каждый день я толкую своё.
Выбирая из длинного списка,
Ты смешила себя самоё.

И, рискуя прослыть несерьёзным,
Я не стану тебя величать.
Лучше буду и дальше курьёзным,
Чем занудством тебе докучать.

Захочу быть с любимой рядом,
Ни к чему мне по имени звать.
Я найду тебя пристальным взглядом,
Подкрадусь и начну целовать.

Если ты меня всё-таки спросишь,
Звать по имени стану когда?
Я скажу: «Если ты меня бросишь,
Вот тогда в нём возникнет нужда».

Легион

Под предводительством легата
Идёт когорта напролом.
А впереди штандарт солдата
Сверкает золотым орлом.

Немало в нашем легионе
Есть настоящих храбрецов.
Сжимают меч в своей ладони
В строю таких же близнецов,

Что под тугие барабаны,
За шагом шаг идут вперёд.
Идут туда, где кровь и раны,
Где смерть солдата просто жрёт.

Где мышцы рвутся от нагрузки,
А молодые – в первый ряд.
Ведь это римляне, этруски —
Такой у них для всех обряд.

И если ты зачем-то выжил,
То переходишь во второй.
Но ты в строю, никто не вышел,
Да будь ты трижды раз герой.

Где в бой пускают ветеранов,
Когда совсем надежды нет,
Что по велению тиранов
Удержат Рим на тыщи лет.

Скорая

Кружит скорая, люстрой мигая,
Освещая чужие дворы.
Я лежу неподвижно, моргая,
Выбирая другие миры.

Мой экспресс – ослепительно белый,
Добрый врач оформляет билет.
Я сажусь удивительно смелый,
А родные не машут вослед.

Аппарат, плавно ход набирая,
Освещая себе полосу,
Оторвавшись, шасси убирая,
Разрезает ночную красу

И уносит меня в стратосферу.
Хорошо, что пристёгнут ремнём.
Мы летим к звуковому барьеру
И его безусловно проткнём.

Я в себя ухожу постепенно,
Мне словами уже не помочь.
И вливает сестра внутривенно
В мою руку беззвёздную ночь.

Караван

В вечернем воздухе пустыни
Есть только жар остатка дня.
Немного есть воды в кувшине
И три колючки – для огня.

Там, поднимаясь на барханы,
Мы видим в небе миражи.
Над нами сказочные страны,
У нас – лишь чёрствыые коржи.

Что путешественник по свету
Имеет? Песню на губах,
Песок и скудную диету,
Да то, что нёс верблюд в горбах.

А он мечтает о девице,
Что ждёт давно его домой,
С которой встретится в столице,
Гордясь богатою чалмой.

Везёт он тайно украшеньё
Ценой в три года и три дня.
Так долго он терпел лишенья,
Его для девушки храня.

Он завтра ей его подарит,
Надеясь взять своей женой.
Но вор его сейчас обшарит,
А утром вновь вернётся зной.

Херсонес

Закат окрасил в розовый колонны.
Стоит на страже древний Херсонес.
И греческие боги благосклонны
К народу, чей любимец – Геркулес.

Здесь урожай снимали по два раза
(Тот виноград забыт давным-давно).
В углу была расписанная ваза,
А в амфорах готовилось вино.

И женщины прекрасные в хитонах
Сервировали ужин для мужей,
Чтоб поздней ночью в сладострастных столах
Им отдаваться после кутежей.

И я хожу по улицам незримо,
Где приносил присягу гражданин.
И наша эра пролетает мимо
Среди колонн и городских руин.

Узорами мозаики покрыты
В раскопках драгоценные слои.
Спасибо Херсонес, что мне открыты
Истории чудесные твои!

Судьбы

Наматывает время клубок земного шара,
Случайные события слегка меняют суть.
А людям непременно нужна родная пара,
Чтоб было с кем разглядывать на небе Млечный Путь.
Всегда крепко связаны их нити меж собой,
Держа друг друга ручками, плетут они узлы.
Годами неразлучною живут своей судьбой,
Ведь те, кто вместе держатся, совсем не так уж злы.
Но не всегда сплетается с любимыми судьба,
То нити разрываются, то впутают других.
И в небо упирается подзорная труба,
Разыскивая ниточки таких же дорогих.
Там многие болтаются, гордясь своей нуждой,
Они, конечно, справятся без помощи, одни.
И ярко одеваются, чтоб выгладеть звездой,
Которой затмеваются на небе все огни.

Чёрная археология

Космическая пыль засыпала былое,
Историю людей старается покрыть.
А мы её найдём, копаясь в каждом слое,
И не по силам вам умерить нашу прыть.
Искусство любим мы совсем не как другие,
И вряд ли нам дадут издать научный труд.
Мы ищем старины предметы дорогие,
А все профессора нам бесконечно врут.
Мы знаем лучше их теорию и сроки,
Ведь с нами говорят не книги, а тела —
Раскопанными их читаем, словно строки,
А вещи не молчат про старые дела.
Работу нашу ждут в музеях понапрасну.
В коллекциях лежат предметы старины.
Мы сбыли, что нашли, и это так опасно,
Что долго не живут лгуны и хвастуны.
Мы знаем: наша жизнь преступна и азартна,
И можно не отмыть добытый капитал.
Но вряд ли можно жить обычно и стандартно,
Когда ты кожей всей историю впитал.

Зеркала души

Смотрите в зеркала души,
В них скрыта истина простая.
Она таится там, в тиши,
На дне зрачков во тьме блистая.

Когда смотрю в твои глаза,
Я очень много понимаю.
И если в них блестит слеза,
То я уже не донимаю.

И даже если ты молчишь,
В твоих глазах я много вижу.
Ты ими на меня кричишь,
Когда случайно я обижу.

Ты ими радуешь меня,
Когда над шутками смеёшься.
В них много цвета и огня,
Когда желанного добьёшься.

Они порою мне велят
Достичь взаимопониманья,
И я ловлю, ловлю твой взгляд,
Встав в центре твоего вниманья.

Цветки радужек дивных глаз
Меня навек твои пленили,
Как совершеннейший алмаз,
Который точно огранили.

Холод

На южном полюсе Земли,
Где континент со льдом отколот,
Куда не ходят корабли,
Царит тот самый, лютый, холод.

Он отбирает всё тепло,
Что под одеждой в сердце бьётся.
И скольких снегом замело,
Уже никто не разберётся.

На тёмной стороне Луны,
Что отделяет терминатор,
Лучи от звёзд поглощены,
И не найти на ней экватор.

И не найдёте там воды,
Где море холодом залито.
И все поверхности тверды,
Как будто части монолита.

Но есть места похолодней.
Не на Луне, совсем безлюдной, —
В сердцах разбитых много дней
Бушует холод абсолютный.

Осенняя

Бегут ли облака по лужам,
Зовут ли за собою вдаль,
Жена, укрытая за мужем,
Не ждёт осеннюю печаль.

Она встречает буйство красок
С восторгом детским, от души,
Тепло последних ветра ласок,
Что бесконечно хороши.

И не пугает непогода,
Которая затем придёт.
Легко прождёт она полгода,
Когда любимый с нею ждёт.

И пусть – дожди, а после – стужа
(Из дома хоть не выходи),
Жена любимая у мужа
Найдёт местечко на груди.

В объятьях мужа – вечно лето,
Покой, надёжность и любовь.
И пусть приходит осень эта
И повторится вновь и вновь.

Плечи

Каждый день вызывает сомненье,
Что его проживут без забот.
Новых дел настанёт пополненье
И других неотложных работ.

Ну а хрупкие женские плечи,
Коромыслом себя придавив,
Всё несут и несут издалече,
Свою силу и волю явив.

Вы не верьте, что это прекрасно,
Когда тяжести гнут красоту.
И не мучайте женщин напрасно,
Даже если им всё вмоготу.

Если плечи мужчины могучи
И подковы он пальцами гнёт,
То поможет он женщине лучше,
Чем рекордную массу толкнёт.

Будет лучше, когда соразмерно
На двоих разделить все дела:
Три четвёртых мужчине примерно,
И себе чтоб немножко взяла.

Божество

Восход окрасил перламутром
На небе вату облаков.
Меняет цвет он каждым утром
Деревьев веток и листков.

Лучами яркими разбужен —
Пора направиться вперёд,
Где каждый день прекрасный нужен,
Где осени пришёл черёд.

В ней вечера, теплом пьянящи,
Не предвещают непогод.
Меж будущим и настоящим
Любуюсь ею круглый год.

Ещё не нужно одеваться,
В три слоя утеплив себя.
И трудно хоть себе признаться —
Я ждал её, уже любя.

В ней красота безмерно манит,
И в ярких красках вся листва.
Как купидон, любовью ранит
С великой силой божества.

Мечты

Она мечтала о тепле,
И провожала с грустью лето.
Без босоножек по земле
Бродила возле моря где-то.

И заплывала за буйки,
Пытаясь вдоволь насладиться,
Как и другие босяки,
В ту теплоту успев влюбиться.

Мечтала, что горячий чай
Её согреет в злую стужу.
Что не погонят невзначай
Заботы разные наружу.

Что в тёплом доме тёплый плед
Её от холода укроет,
Как это было много лет,
Пока ветра за дверью воют.

А он мечтал её обнять,
Свою заботу обещая,
Собой всю зиму заслонять,
Тем от простуды защищая.

Оставив самый тёплый след,
Мечтал от том, что может сбыться.
Хоть у неё есть чай и плед,
Захочется ещё влюбиться.

Луга

Полынью пахнут сопки и луга,
Не вспаханные под зерно пшеницы.
Ах, как земля мне эта дорога,
С которой не сравниться за границе!

На ней растёт тот самый первоцвет,
Ромашки и фиалки луговые.
Там самый синий, васильковый цвет,
И все цветы вокруг меня – живые.

Там запах детства пряный до сих пор
Меня к истоку жизни возвращает,
Где я наказам всем наперекор
Гуляю там, где мама запрещает.

И я вернусь ещё не раз с детьми
На те луга, неспаханное поле,
Чтоб и они смогли бы стать людьми,
Которые живут в цветах на воле.

Играй, гавайская гитара

Играй, гавайская гитара,
Свой самый лучший в мире блюз.
Пусть посетителей у бара,
Накроет сетью струнных уз.

Лаская слух в дыму, уносит
В воображаемый их мир,
В котором блюз остаться просит
На этот музыкальный пир.

С моей подругой – ностальгией —
Я познакомился давно.
Но с этой звуковой стихией
Она вдруг стала заодно.

И, сладкой грустью увлекая,
Стянула в прошлые года,
Туда, где пел не умолкая,
Меня часто города.

Где я играл, мозоля пальцы,
Об струны сложными баррэ.
Где мы с гитарою – скитальцы
И постояльцы кабаре.

Настало время завести собаку

Настало время завести собаку.
Друзья все разбежались без затей.
А дети заняты согласно браку,
И выходные только без гостей.

А мы ещё так много не сказали,
У нас ещё так много новостей.
Как будто нас случайно наказали
За то, что мы стареем без страстей.

За то, что многого уже добились,
И дом построен, а вокруг – забор.
Но внуков нет, а мы бы в них влюбились,
И криками наполнился бы двор.

Так вот о чём я? Вспомнил. О собаке.
Какое счастье, что собаки есть!
И пусть я с нею побываю в драке,
И пусть по дому разлетится шерсть.

И в семь утра мы с ней пойдём промокнуть,
Заменим стол, ведь ножки классно грызть.
Её хоть можно прямо в морду чмокнуть.
В любви собачей – вся моя корысть.

Объятья

Под осеннюю музыку леса
Бродят в поисках лишь грибники —
В ожидании деликатеса
И прохладе лесной вопреки.

Воздух свежестью просто дурманит,
Я иду за любимой моей.
А она за собой меня манит,
Словно я возвратился с морей.

Будто мы не видались полгода —
Я смотрю на её силуэт.
Что ты делаешь с нами, природа,
Что во мне вдруг проснулся поэт?

В ярких листьях попрятались шляпки,
Начинает уже вечереть.
Руки милые женщины зябки,
И их нужно скорее согреть.

Только в термосе утренний кофе
Разве сможет дрожанье унять?
Я спасу при любой катастрофе,
Дай мне только покрепче обнять.

Морской бой

А бой морской, он слишком быстротечен,
Из-за тревоги все уже не спят
И понимают, что никто не вечен,
Надеясь на таких же вот ребят.

У штурмана просчитаны все курсы,
Акустики прощупывают дно.
У корабля для боя все ресурсы
Загружены на борт давным-давно.

И смотрит командир на всех сурово,
Команды отдавая на ходу.
И вахтенный запишет в полвторого:
«Цель обнаружил и её веду».

Акустик: «Одиночная посылка».
Сигнальщик: «Вижу справа перископ».
У рулевого на лице ухмылка,
А пеленг нам подскажет гироскоп.

И вот уже торпедная атака,
А командир кричит в «каштан»: «Огонь!»
И улетают бомбы с полубака,
Их провожают, глядя под ладонь.

Накрыли лодку, и она накрылась,
Затягивает всё водоворот.
Но вот торпеда, что на курс ложилась,
Нам не даёт закончить поворот.

Пробила борт и взорвалась в середине,
Шпангоуты порвав и стрингера.
Она была подобна гильотине —
Разрезала до самого нутра.

И двигатели вдруг остановились,
И мы внезапно потеряли ход.
А те, кто под обшивкой находились,
Уже не встретят утренний восход.

Вот так вот забирает души море.
Большие волны крейсер захлестнут,
А на плоту рыдают люди в горе.
Всего прошло четырнадцать минут.

Suite No. 3 in D Major, BWV 1068 – 2. Air

В тиши ночной, в остатках дня ли,
Отставив шум и баловство,
На чердаке, где мы играли,
Я обнаружил волшебство.

В конверте старая пластинка
Меня отправила в тот мир,
Где правят Моцарт, Бах и Глинка.
О, музыка, ты мой кумир!

Ты бесконечным наслаждением
Питаешь добрые сердца.
Тебе обязаны рождением
Богатства чувств того творца,

Что много лет назад заставил,
Молчать без устали весь зал.
И я себе сейчас представил,
Что чудом сам туда попал.

Откуда столько струнок разных
В душе я детской ощутил?
Таких волнующе-прекрасных,

Что устоять не хватает сил!

Загадка

Не кажется ли вам,
Что этот мир – загадка,
Где умным головам
Приходится несладко?

А каждый новый день
Приносит лишь вопросы,
И новая ступень
Рождает лишь невроты?

Мы ищем чудеса,
Ища закономерность,
Но наши голоса —
Всё та же эфемерность.

Всего лишь лёгкий дым,
Что разметает ветром
Под небом голубым,
Над каждым миллиметром.

А будущие дни
Принадлежат лишь детям.
Но смогут ли они
Добыть, что мы наметим?

И крутится Земля
В пространствах многомерных,
Ответов дать суля,
Хотя бы и неверных.

Влюбчивость

Меня просили быть поосторожней
И не пытаться ухватить мечту.
Что нет идеи этой невозможней —
Писать неясный образ по холсту.

Но верил я, что всё переменится,
Едва смогу раскрыть любви секрет.
Ведь мне давно уже ночами снится
Любимой мною девушки портрет.

В нём нет лица, и я её не знаю.
Мы не знакомы, но могу сказать,
Что этот сон всё время вспоминаю,
Он продолжает даже днём терзать.

Едва её я где-нибудь увижу,
Портрет любимой обретёт лицо.
Ни словом, ни движеньем не обижу,
А подарю красивое кольцо.

И если вдруг она со мной простится
И растворится в мире бытия,
Уверен, что она ещё приснится,
И в этом сне с ней рядом буду я.

Прощанье

Врастают люди душами друг в друга.
Знакомых или близких – всё равно.
У каждого из нас есть два-три круга
Людей, которых знаем мы давно.

Мы с ними не желаем расставаться,
Разрывы только причиняют боль.
И продолжаем в них всегда нуждаться,
Как звуки скрипки жаждут канифоль.

Нет ничего ужасней, чем прощанье,
Поэтому приходится просить
Не требовать пустые обещанья,
А просто постараться – и простить.

Простить же далеко не так уж сложно,
Сложнее их навечно отпустить.
Принять всё это просто невозможно,
И невозможно чем-то заместить.

А слёзы льют из глаз без остановки,
И мы готовы многое отдать,
Чтобы тебя, погладив по головке,
Не заставляли от любви страдать.

Конечно, это лечит только время,
И боль утихнет, может, насовсем.
Но всё равно прощанье – это бремя,
Которое по силам... но не всем.

Композитор

Слегка расстроенный рояль
Всё в голове моей играет,
И сердце грусть не отпускает,
Но мне себя совсем не жаль.

Те нотки сладкой ностальгии
Влекут меня уже давно,
И я пью терпкое вино
И отдаюсь с душой стихии,

Где грусть смогу я передать
Пером, в чернила обмакая,
И муза сзади колдовская
Глядит на нотную тетрадь.

А в ней застыли в строчках звуки,
Чтоб, путешествуя в веках,
Звучать в мозолистых руках,
Сердцам даруя грусти муки.

И только старый инструмент
От многих лет слегка расстроен,
Но только он так и устроен —
Сыграть мой аккомпанемент.

Предвесеннее

Отлетают кристаллы водицы,
И закончится спячка природы.
Опустеют с простудой больницы,
Станут яркими дни и восходы.

Новой жизнью наполнятся клумбы,
Прорастут в них нарциссы, тюльпаны.
Оплетя все заборы и тумбы,
Пустьят новые листья лианы.

Жизнь наполнится радостным смыслом —
Мы живём, и вокруг всё живое!
От колодца идут с коромыслом
Люди парами, сразу по двое.

И вернутся грачи со скворцами,
Чтоб заполнить деревьев все ветки.
А потом разживутся птенцами,
Подрастут их пернатые детки.

Много лет я весне удивляюсь,
В бесконечном течении века.
И как заново сильно влюбляюсь
В столь привычного мне человека.

Женщина и платье

Платье женщины – вторая кожа —
Превосходно выглядит на ней.
В нём она не хочет быть похожа,
В нём она прекрасней и стройней.

И они, друг друга дополняя,
Наполняют радостью сердца.
Красотой своею опьяняя,
Привлекают глазки молодца.

Ветер с платьем поиграл немножко,
Вдоль дороги лихо припустив.
Он слегка приоткрывает ножки,
Всю мечту мужскую воплотив.

И она, смеясь, руками ловит
Этот непокорный ей подол.
Разве ветер женщин остановит,
Даже если кто-то станет гол?

Но бывает, женщина устанет,
Ты её за то не обессудь.
И она вторую кожу стянет,
Всю при этом обнажая суть.

От Маяковского

Не каждую женщину можно добиться.
Известный поэт шёл к мечте напролом.
Татьяне ещё предстояло влюбиться,
И чувства свои берегла на потом.

Известность Владимира просто пугала,
Неистовый нрав и решительный слог.
А просто дружить для него было мало.
Любили так Пушкин, Есенин и Блок.

И он обещал взять её (хоть с Парижем),
На весь гонорар купить ей цветы.
И слово его стало долгим престижем
Для тех, кто ценил эталон красоты.

Цветы приносили ей дважды в неделю,
Насколько позволил любви этикет.
И чувства его проявились на деле —
Был самым изысканным каждый букет.

В тридцатом году вдруг поэта не стало,
Но что может чувство его погасить?
Пусть женщина милая ждать перестала,
Букеты его продолжали носить.

В легенду такую мне трудно поверить,
Что б женщина старость встречала в цветах.
Вы можете сами всё это проверить —
История эта осталась в летах.

Ветер!

Ветер – лучший мой друг и попутчик!
Мне легко с ним, проворным, вдвоём.
Ветер – самый успешный лазутчик,
Проникает под окна в проём.

Выдувает наружу усталость,
Затхлый воздух с теплом от людей,
Заменяет сонливую вялость
На задорную свежесть дождей.

Ветер – это всегда перемены,
Те, которых давно очень ждём.
Рушит он все преграды и стены,
Возводимые старым вождём.

И за ним невозможно угнаться,
И его невозможно поймать.
С ветра могут мечты начинаться,
Ветром можно и волны вздымать.

Только ветер позволил Колумбу
Незнакомый узнать континент,
Чтоб поставить скульптуру на тумбу
И воздвигнуть себе монумент.

На рассвете

Я проснусь в тишине, на рассвете.
Воздух утром прозрачен и свеж.
Ночь ушла погулять по планете,
Погостить далеко за рубеж.

Рядом бродят с дыханием тихим
У подушки волшебные сны,
Подчиняя себе, многоликим,
Даже тех, кто давно влюблены.

Утомлённая сладостной негой
Спит любимая рядом со мной
И мечтает о радости некой,
Прижимаясь своею спиной.

Одеяло сползло до колена,
Чтобы я её всю рассмотрел.
Вызволяя из сонного плена,
Своим телом горячим согрел.

Это самое лучшее время,
Чтобы женщину крепко обнять,
Целовать её медленно в темя
И собой её мир заполнять.

Свободна

Эта женщина снова свободна,
Слишком мало осталось ей дел.
И сегодня она беззаботна,
Выбрав новый, прекрасный удел.

Ей не нужно бежать в магазины,
Выбирать для обеда меню.
И манят понапрасну витрины,
Заполняя все стрит с авеню.

Наконец-то она окунётся
В маникюр, педикюр для себя,
Утром поздним спокойно проснётся,
Никого из мужчин не любя.

В бутиках и салонах попросит
Для себя самый лучший товар.
И никто её больше не бросит,
Словно он – подгулявший гусар.

Эта женщина снова свободна,
Попрощавшись с одним из мужчин.
Пусть она и немного голодна,
Но для счастья есть много причин.

Девушка в костюме домино

Масло, сталь и кожаные краги,
Мотоцикл – самый лучший друг.
Он из тех, кто не боится драки,
Даже если сто врагов вокруг.

Грубый голос, жилистые руки,
На лице, на видном месте – шрам.
Если ночью раздаются звуки,
Значит, он, конечно, где-то там.

Но однажды, вечером катаясь,
Он случайно посмотрел в окно.
За окном работала, стараясь,
Девушка в костюме домино.

У станка, прогнувшись до предела,
Девушка оттачивала па.
И она порой в окно глядела,
Как спешит по улице толпа.

И они смотрели друг на друга,
И сердца их бились в унисон.
Но любовь, наверно, близорука,
А быть может, эта встреча – сон?

Он теперь под вечер приезжает
Посмотреть на девушку в окне.
И она, конечно, это знает
И мечтает вырваться во вне.

Если он когда-нибудь дождётся,
А она осмелится прийти,
То, наверно, этот мир взорвётся
И вокруг посыплет конфетти.

Сумасброд

Опустился на улицы вечер,
Все спешат мимо наших ворот.
Я пойду потихоньку навстречу,
На знакомый тебе поворот.

И наверное, ты улыбнёшься,
Посмотрев на меня с далека.
Подойдёшь и ко мне прикоснёшься,
И моей твоя станет рука.

И пойдём мы, плечами сомкнувшись.
Я под руку тебя приведу
В этот дом, где мы вместе, проснувшись,
Приготовили утром еду.

Вы мне скажете: это банально!
Так встречают любимых всегда.
Но в душе для меня персонально
Есть особая, видно, нужда.

И когда в ожидании встречи
Не могу я стоять у ворот,
Я пойду, побегу ей навстречу,
Словно самый смешной сумасброд.

Смотрела просто мне в глаза

Она смотрела мне в глаза,
Смеялась каждой морщинкой,
И в этом взгляде бирюза
Была волшебною начинкой.

И каждый миг, и каждый год
С ней был божественно прекрасен.
Встречать с ней утренний восход
Ещё сто лет я был согласен.

Куда-нибудь за горизонт
Бежать с ней вместе на рассвете,
Держать над нею долго зонт,
Пока льёт дождик на планете.

Ловить за пятку под водой,
А для загара мазать плечи.
Любуясь первою звездой,
Быть с нею рядом каждый вечер.

Смотреть, смотреть в её глаза,
Чтоб никогда не расставаться.
И если в них блеснит слеза,
В любви ей снова признаваться.

Взять на себя весь тяжкий груз,
Чтоб обеспечить ей беспечность.
Не подпускать к ней даже грусть,
Пока не канем вместе в вечность!

Ложь

О, как правдоподобна ложь!
Она блистательно прекрасна.
В сто раз ты правду приумножь,
И ложь становится заразна.

И в притязаниях своих
Над ложью ты уже не волен.
Она как камень для двоих,
Но лишь один ты ложью болен.

И если ложь свою питать,
Она становится огромной.
Но правдой всё же ей не стать,
А лишь досадой вероломной.

Пуанты

Она танцует на пуантах
Законам всем наперекор.
Они остались в фолиантах,
Лишив поддержки и опор.

Но танцовщицу не смущает,
Её основа – мастерство.
А зрители пускай считают,
Что это просто волшебство.

Что с лёгкой поступью небесной
Она вступает в па-де-де,
Где грациозно-легковесной
Блится, свойственно звезде.

Ведь никому из нас не видно
Истёртых до крови ступней.
Не лёгкость девушки завидна.
Завидна воля к танцу в ней!

Улетает лето

Улетает лето, улетает,
Унося и радость, и тепло.
Небо голубое в дымке тает,
Хоть ещё по-прежнему светло.

Завтра может всё перемениться,
Осенью раскрасится листва.
Может, стоит нам поторопиться
И урвать немного озорства?

Бросив всё, отправиться на море,
Погрузиться в тёплую волну.
Загорев на солнечном просторе,
Разогнать покой и тишину.

Вспомнить тех, кому небезразличны.
Позвонить, обиды позабыв.
Самому приехать в гости, лично,
Все свои заботы отменив.

Улетает лето, улетает,
Утром ранним станет на крыло.
Кто как может лето провожает,
Чтоб потом укрыться за стекло.

Калейдоскоп

Всем миром правит гениальный случай,
Всё остальное – выдумки людей.
Никто не знает, кто из нас везучей,
От самых бедных – до больших вождей.

С надеждой люди ищут половинку,
Примеривая пазлики страстей,
Сложить пытаясь для себя картинку
Из личностей загадочных мастей.

В калейдоскопе этих судеб разных
Стираются кристаллики стекла,
Людей различных, но однообразных,
Как будто их рождают зеркала.

Но мы, сцепившись, нет, не распадёмся,
Как только наши жизни ни тряси.
Иначе мы с тобою разобьёмся,
Исчезнув с этой визирной оси.

Клин

Настала осень, и с дождями
Приходит нежная тоска.
Деревья с голыми ветвями,
И очень низко облака.

Под ними строим журавлиным
Летят паломники на юг.
Летят, курлыча, клин за клином,
Не дожидаясь зимних выюг.

А мы глядим на них уныло,
Как будто вышли на вокзал.
И хоть земля уже остыла,
Ещё никто не замерзал.

Мы провожаем с ними лето,
Цветы нескоро зацветут.
Ведь птицы знают: счастье где-то,
А мы останемся все тут.

Они кричат: «Летите с нами!
И поднимайтесь в облака!»
Но мы летаем только снами,
Не держит в воздухе рука.

Поймал

Я поймал в ладони счастье
И разжать их не могу.
Мышцы ноют у запястья,
Хоть я силы берегу.

Но оно в ладонях бьётся,
Словно ласточка в силке.
И оно на волю рвётся,
Словно мошка в коробке.

Я душить его не стану
И ладони разожму.
Даже если не устану,
Если быть мне одному.

Пусть оно себе щебечет,
Пусть оно себе летит.
Мне, наверно, будет легче,
И вернётся аппетит.

А оно рвануло в небо
И кружится вдалеке.
Никогда так счастлив не был —
Без вины и налегке.

Вдруг оно вспорхнуло низко
И уселось на плечо.
И сидит так близко-близко —
Аж на сердце горячо.

Она приходила

Она приходила, когда я не ждал:
Когда лился дождь и когда сыпал снег.
А я без надежды в больнице лежал,
Мечтая, что к ней убегу на ночлег.

Она приходила ко мне по утрам,
Когда я без сил отрывался от сна.
Она приходила назло всем ветрам
И если погода была не ясна.

Её не пускали, кричали «нельзя!»,
Держали за руки, снимая халат.
Но с ней приезжали такие друзья,
Которые знали какой-то там блат.

Она приходила, вливая в меня
Весь свой оптимизм и желание жить.
Она приходила, здоровьем дразня,
Чтоб это здоровье немного вложить.

И то, что случилось, нельзя объяснить:
Как брови поднял долго лечащий врач,
Как снова связала судьба мою нить
И тихо покинул палату палач.

Дорогой снежною

Под фонарём снежинки кружатся,
В волшебном вальсе рассыпаются.
Замёрзла вдоль аллеи лужица,
А детвора по ней катается.

Следы твои, снегами скрытые,
Ведут меня в мои мечтания,
Где я и ты любви открытые,
Где ты и я – два сочетания.

И не тревожат нас сомнения,
Обидные недосказания.
Ведь ищем мы соединения,
Чтоб разделить одно дыхание.

Порою нам сказать так хочется,
Язвительно, без сожаления.
Но это всё от одиночества,
А может быть, от утомления.

И я ищу дорогой снежною
Следы любимой, чтоб покаяться.
Останься ты моею... нежною,
Что никогда не отрекается.

Подснежник

Из-под снега рождается подснежник,
Дни зимы для него сочтены.
Против холода – первый мятежник,
Самый первый предвестник весны.

Колокольчики словно поникли,
Но обманчив подснежников вид.
Сквозь снега если стебли проникли,
Значит, жизнью цветок плодovit.

Из-за них просыпается солнце,
Согревая подснежникам дом,
Заглянуть чтобы к людям в оконце
И разделаться с плачущим льдом.

Раздвигает все тучи лучами,
Чтобы светом своим удивить
И заигрывать в ветках с грачами,
Чтобы гнёзда те начали вить.

Последний штурм Малахова кургана

Почти весь год у Балаклавы
Стоял и ждал английский флот,
Пока войска достигнут славы
Среди холмов, среди болот.

Закрыты бухты кораблями —
На дне стоят меж якорей.
Лишь сняты пушки с фитилями
Для сухопутных батарей.

Французы, турки, англичане
Союз решили укрепить,
Плечом к плечу однополчане
Собрались штурмом подступить.

Три дня готовили атаку,
Ведя без устали пальбу.
А под конец полезли в драку,
Кляня капризную судьбу.

Недаром город осаждали
И приближались с каждым днём.
Нельзя сказать, что их не ждали
И не ответили огнём.

Но на Малаховом кургане
Враги прорвали прочный круг.
В густом дыму всё, как в тумане,
Где даже зрячий – близорук.

И с криком «Vive l'Empereur!»
Заполонили весь курган,
Изрытый взрывами, как кратер,
Как будто здесь горел вулкан.

Штыками бились в рукопашной
России верные сыны.
А помирать не так уж страшно,
Когда все силы сочтены.

Но было всё безрезультатно,
Курган обратно не отбить!
Французов больше многократно,
Пришлось героям отступить.

Понтонный мост – одна дорога
Людей из города вела.
А тех людей не так уж много,
Кого спасла ночная мгла.

Достойны были те и эти
Своих прославленных знамён.
Здесь воевали даже дети,
Жаль, мы не знаем всех имён.

Под грохот пушек и пищалей
Разрушен город до камней.
Так Севастополь защищали
Все триста сорок девять дней.

Каждый день без тебя

Каждый день без тебя мной потрачен впустую.
Мир совсем не такой, каким мог бы он быть.
Вместо точки поставлю в конце запятую —
Запятая не даст о любимой забыть.
И вместо тихих слов уходят сообщенья,
А смайлики смеются только надо мной.
Мне кажется, что нам достаточно общенья,
Когда друг друга мы касаемся спиной.
И если ты молчишь, меня окинув взглядом,
А может быть, порой ты слишком занята,
Я счастлив от того, что буду просто рядом,
Я радуюсь тебе, и это неспроста.
Не нужно много слов, достаточно коснуться,
Достаточно вдохнуть твой нежный аромат.
И нужно-то всего – с любимую проснуться.
И больше никаких не нужно мне наград.
Каждый день без тебя мной потрачен впустую.
Я пишу всё равно, расстоянья коря.
Я поставлю в конце, как всегда, запятую.
Пусть стихи за меня о любви говорят.

Невозможно

Невозможно мечтать бесконечно,
Страсти все, безусловно, пройдут.
Ах, как хочется быть в жизни вечно,
Словно в будущем нас точно ждут.

Невозможно запомнить, что было —
Всё стирает забвенья река.
Лишь немногое в книгах застыло,
Да и то не надолго – века.

Невозможно принять свою сущность,
И стареющий свой организм,
И с годами пришедшую тучность,
И порой откровенный цинизм.

Но в награду за эти страдания
Нам природа на время дала
Разум, чтобы познать мирозданье,
Силу, чтобы исполнить дела.

Сердце, чтобы безумно влюбиться
И детишек на свет народить,
Чтоб смогли они счастья добиться,
Невозможности все победить.

Улыбайтесь

Улыбайтесь милым и любимым,
Улыбайтесь, выглянув в окно.
Без улыбок мир невыносимым
Стал бы безнадёжно и давно.

Улыбайтесь, если очень грустно,
Улыбайтесь хоть назло врагу.
Даже если вам совсем невкусно,
Даже если через не могу.

От улыбки может измениться
Самый безысходный результат.
Или может кто-то извиниться,
Даже если будет он не рад.

Из улыбки прорастёт надежда
И вернёт спокойный, крепкий сон.
И раскрасит в яркие одежды
Всех неунывающих персон.

Ведь с улыбкой мы непобедимы.
С ней пройдем до самого конца
По дорогам, что непроходимы,
И не пряча своего лица!

Другу детства

Помнишь, как мы играли в мячики,
Мамку дёргали за подол?
Как сдували с рук одуванчики,
Сверху глядя на летний дол?

Помнишь небо совсем бездонное,
Мы лежим с тобой на спине?
И мороженое лимонное,
Что отдал, поделившись, мне?

Детство раннее – дни бескрайние,
Бесконечностью – целый год.
И простор, что наполнен тайнами,
Без уныния и забот.

Как любовью родных обласканный
Доедал за собой гарнир?
Помнишь школьный костюм затасканный
И наполненный счастьем мир?!

С дороги

На дороге виднеются листья,
Долгий дождь принесла непогода.
Разукрашены зимнею кистью
Все дорожки до самого входа.

Скрипнет дверь, завывая от ветра,
Пропуская к теплу батарее.
Мне б хватило квадратного метра
Возле комнатной оранжереи.

Отогреюсь и плечи расправлю,
Стану гордым и, может быть, важным.
Я тебя никогда не оставлю
В зимнем городе многоэтажном.

Я тебя обниму очень нежно,
Одеялом укутаю ноги.
Пусть на улице холодно, снежно,
Мы укроемся, словно в берлоге.

Пусть метелью такую закружит,
Чтоб засыпало двери у входа.
И ничто наш покой не нарушит
В самой сказочной четверти года.

У ЗИМЫ

У зимы пушистые объятья,
Сыплет с неба белоснежный пух.
Он деревья одевает в платья
И приносит новогодний дух.

Ведь снежинкам радуются дети,
Не пугает небольшой мороз.
Их на санках, словно на карете,
Те катают, кто уже подрос.

Не загнать до дома ребятишек,
Хоть под вечер опустилась мгла.
Пусть промокли ноги шалунишек,
А от ёлок на руках – смола.

Им снежки ещё не надоели,
Веселятся дети без забот,
Наряжают праздничные ели,
Чтобы встретить вместе Новый год.

И конечно, получить подарки,
Что под ёлкой каждому дадут.
А в домах ребятам просто жарко,
Их напрасно скоро дома ждут.

Ниточка

Может прошептать тебе на ушко
Нежностью расшитые слова?
Я твоя любимая игрушка,
Выбранный тобой для баловства.

Кто я для тебя? Воспоминанье,
Что случилось где-то меж дорог?
Или же фортуны дарованье,
Присланный на очень долгий срок?

А судьба загадками закружит,
Всё пытаясь нас разъединить,
Все проблемы с бедами обрушит,
Чтоб порвать натянутую нить.

Что ни делай, ниточка не рвётся,
Видно, крепкой спрядена она.
Ты взгрустнёшь, а мне всё отзовется,
Словно нить – упругая струна.

На клубок ту нитку наматаем,
Чтобы сократить её длину.
Только мы с тобою вместе знаем,
Как держать за ниточку одну.

Как мало нам отведено

Как мало нам отведено —
Немногие достигнут века.
Всем правит принцип домино,
Костями даже человека.

Едва успеем осознать,
Какое счастье на планете
Иметь отца и слушать мать,
Как их мы видим на портрете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.